

Полемика каппадокийских братьев Василия Кесарийского и Григория Нисского с новоарианином Евномием, епископом Кизическим, относится к самым интересным богословским спорам четвертого века, в которых формулировалась христианская ортодоксия. Вместо представления Евномия о последовательном подчинении Отца, Сына и Духа эти богословы продумали возможность трех взаиморавных божественных ипостасей, которые, тем не менее, отличаются своим происхождением. Целью настоящей статьи является занятие не богословским содержанием и результатами всей этой полемики, а представление одного из аспектов понятия *речи*, т. е. мнения обеих полемизирующих сторон о ее происхождении, точнее сказать, о происхождении отдельных слов.

Исхо

жу я при этом из тех пассажей сочинения Григория

Contra

Eunomium

,

II

, 387-444 и 543-553, которые посвящены этому вопросу. Также здесь (как ироническое средство) сконцентрированы замечания об античных теориях речи, значению которых для нашей полемики я посвящаю заключительную часть

Евномий

В предлагаемой реконструкции представления Евномия о происхождении речи, кроме изложенного в первой *Апологии*, мы вынуждены ссылаться на выдержки Григория из второй книги Евномия *Apologia apologiae* в рамках *Contra Eunomium*

. Указанный пассаж (содержащий реакцию Евномия на полемику Василия о происхождении Божественного имени «нерожденность» в

Adversus

Eunomium

I

, 5-8, особенно явно пассаж

I

, 8) подает сразу несколько цитат, важных для понимания позиции Евномия. О происхождении речи мы здесь узнаём:

«Если бы (Бог) первых людей или их непосредственных потомков не научил тому, как называются и именуется отдельные вещи, они бы совместно жили без разума и речи. И не выполнили бы ничего необходимого для жизни, поскольку мышление каждого из них было бы темным, ведь они не знали бы значащие слова, т. е. имена и глаголы».

Из этого отрывка нам становится ясно, что «значащие слова» (σημαίνοντα) имеют, согласно Григорию, конститутивное значение для человеческого мышления и для жизни вообще. Без них человеческое мышление

(διάνοια)

было бы «темным»

(ἄδηλος)

и не могло бы стать основанием для действий. «Значащие слова», согласно Евномии, - это «глаголы и имена»

(ῥήματα καὶ ὀνόματα)

, причем не в смысле правил синтаксиса, а, в первую очередь, в номенклатуре, которая выражает «как отдельные вещи называются

(λέγεται)

и именуется

(ὀνομάζεται)

». Человека должен был научить ей вначале людского рода сам Бог, т. е. уже до того как люди начали разговаривать, было известно «как отдельные вещи называются и именуется»

...

Вера Евномия в божественное происхождение имен, сходная с учением некоторых неоплатоников, не должна сразу свидетельствовать о зависимости Евномия от них. Как указывает сам Daniélou, и у Климента Александрийского, и у Оригена мы находим пассажи о божественном происхождении (иногда и силе) имен, а у Оригена даже – заметку об античных взглядах на происхождение речи

(φύσει ἢ ἐσει) θ

Ориген сам убежден в том, что отдельные языки не были установлены соглашением людей, а были получены от Бога, поэтому имена (особенно Божественные) незаменимы и непреложимы. Вполне возможно, что влияние Оригена на представление Евномия о речи было более серьезным, чем мог предложить

Dani

é

lou

, и могло быть как прямым, так и опосредованным через библейскую экзегетику Лукиана Антиохийского, имевшего решающее значение для учителя Евномия Аэтия.

Как следует из анализа Антония Орбе, весьма правдоподобно, что Ориген был главным вдохновителем обеих сторон нашего спора в их представлениях об именовании Бога и христологических названиях (ἐπίνοια), т. е. о разных именах, отражающих отдельные аспекты Божественного Логоса и Его действия. В то время как Евномий настаивает на том, что только Логос-Христос, как вторичный по отношению к Отцу, может называться несколькими эпиноэтическими именами, Каппадокийцы расширяют эпиноэтические названия и на самого Отца. Я считаю очень правдоподобным, что Ориген для обеих сторон был также вдохновителем и в представлениях о речи: хотя Евномий принял учение о Божественном происхождении имен, Каппадокийцы довели теорию христологических ἐπίνοια

до целого учения о человеческой речи, включающих множество параллельных наименований, выражающих, в соответствии с человеческими возможностями, разные аспекты познаваемых вещей.

Эта каппадокийская теория очевидно базируется на стоическом различении ἐπίνοια и катὰ τὴν ὑπόστασιν

, которые использовал и Ориген, и которые в определенной мере перенимают различие смысла и референции: например (согласно Посидонию),

οὐσία

и

ὑλή

являются тем же

κατὰ τὴν ὑπόστασιν,

отличаются же

ἐπίνοια μόνον

, т. е. их референция та же самая, однако они отличаются смыслом, т. е. аспектом, который они выражают.

Ἐπίνοια,

понятие, которому в нашей полемике принадлежит ключевое значение, для стоиков означает некий седимент мышления

(ἐναποκεκμένη νόησις)

, который делает возможным комбинирование представлений, производимых из чувственных ощущений, и создание новых понятий, которым в чувственном опыте ничего прямо не соответствует. Эти произведения «логической фантазии», будучи нематериальными, в собственном смысле слова не существуют

(υἰάρχειν)

, а лишь субсистируют в мышлении

(υἰφροτάναί)

. Этот статус по стоическим представлениям соответствует нематериальному значению или «сказанному», «означаемому речью»

(τὸ λεκτόν

или

τὸ σημαίνόμενον)

, в противопоставлении значащему звуку

(τὸ σημαῖνον)

с одной стороны и внеязыковым референциям

(τὸ τυγχάνον)

, которые, с другой стороны, материальны. Это «означаемое речью»

(σημαινόμενον)

или «значение»

(ἔμφασις)

играют важную роль и в каппадокийской концепции, где, однако более-менее пересекаются с аристотелевским «понятием»

(νόημα)

мышления, что в стоическом понимании, очевидно, недопустимо.

Позиция Григория в указанном пассаже, вообще-то, скорее ближе понятию Аристотеля, согласно которому речь (λόγος) не имеет свое значение «естественно» (φύσει) или «органично»

(ὡς ὄργανον)

, но лишь на основании соглашения

(κατὰ σηνθήκην)

, т. е. речь не является естественным устройством человека, но результатом его размышления, при чем размышления «общественного», какого-то межчеловеческого соглашения. Фонетические выражения

(τὰ ἐν τῇ φωνῇ)

являются при этом, согласно Аристотелю, символами

(σύμβολα)

или знаками

(σημεῖα)

того, что создается в душе

(τῶν ἐν τῇ ψυχῇ παθημάτων)

, т. е. подобиями

(οἰμοιώματα)

самих вещей. Хотя вещи остаются теми же

(ταῦτα)

, и даже их подобия, создаваемые в душе, остаются теми же

(ταῦτα)

, фонетические (и от них производимые – графические) выражения отличаются. Не вполне ясно, что Аристотель подразумевает под оборотом

παθήματα ἐν τῇ ψυχῇ

, которые должны быть подобиями вещей. Скорее всего, это отпечатки вещей в душе, из которых абстракцией создаются понятия

(νοήματα)

. Эти отпечатки
(παθήματα)

во всех душах одинаковые, поскольку они производятся от одних и тех же вещей, а потому понятия, абстрагируемые из этих отпечатков, как адекватно отражают сами вещи, так и являются у всех людей общими, хотя и выражаются в разных языках разными словами. Или здесь Аристотель, скорее, под выражением παθήματα

подразумевает именно понятия, в чем сходится большинство интерпретаторов. Или же, скорее, речь выражает и то и другое: как непосредственное восприятие вещей, так и понятия, однако оба – посредством понятий?

...

Спор между каппадокийскими братьями и Евномием, таким образом, является не отзвуком противостояния стоиков и эпикурейцев, или аристотелевской и платоновской концепций, или, в конце-концов, Кратила и Гермогена из платоновского диалога, но представляет достаточно сложное переплетение античных мотивов с обеих сторон: Евномий предполагает божественную номенклатуру, выражающую структуру самих вещей, что разительно отличает ее от эпикурейцев и приближает к ученикам Платона. С некоторыми неоплатониками он, вопреки самому Платону, разделяет веру в божественное происхождение слов, поэтому также (в отличие от Платона) в свое понятие не включает постоянное самоисследование речи на основании познания порядка самих вещей (хотя это критическое исследование слов выполняет сам). К Аристотелю Евномий близок в своем убеждении о постижимости вещей понятиями. Его упоминание о врожденных представлениях или же каких-то врожденных семенах возможного познания божественной номенклатуры указывает скорее на платоновское, чем стоическое влияние.

Григорий понимает слова как структуру, организовывающую человеческое познание о вещах, и как посредника для выражения человеческих мыслей, в чем его концепция подобна стоической. Однако он убежден, что наименования, замещающие вещи, выражают человеческие впечатления и знания, управляются человеческой волей и служат потребностям объяснений и общения, что в его представлениях вводит некий конвенционалистско-прагматический элемент, которым он превосходит и самого Аристотеля, с которым святитель не разделяет веру в постижимость вещей понятиями.

Важным моментом вдохновения для обеих сторон было также представление Оригена о речи и христологических именах: тогда как для Евномия решающей была вера Оригена в божественное происхождение слов, для каппадокийцев напротив – множественность христологических титулов, как о ней говорит Ориген, стала образцом разных смыслов,

касающихся той же референции, все из которых выражают человеческое познание о вещах, а не сами вещи.

[Перевод Илья Бей.](#)